DOI 10.18522/2500-3224-2025-3-89-108
УДК 93/94

СУДЬБА ПРОЕКТА ВЕСТЕРНИЗАЦИИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ГОРОЖАН В ПОСЛЕПЕТРОВСКОЙ РОССИИ (1725–1741)[1]

Акельев Евгений Владимирович
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
eakelev@hse.ru

Аннотация. В фокусе исследования — судьба проекта вестернизации внешнего облика горожан после смерти Петра I. Автор рассматривает его (не)реализацию на двух уровнях: законодательной регламентации (сверху) и практики реализации (снизу), уделяя особое внимание взаимодействию этих двух уровней, то есть тому, как законодательная регламентация влияла на практику «на земле» и как реальный опыт взаимодействия с населением влиял на корректировку ранее принятых законов. На основе неопубликованных документов Сената, Раскольнической конторы и некоторых органов местного управления прослеживается, как созданные Петром I государственные институты обеспечивали регулярное подтверждение его законодательства, сопровождавшееся волнами активности местных властей по принуждению городского населения к его исполнению. Но при этом успехи местных властей напрямую зависели от того, находили ли культурные инициативы Петра I поддержку значительной части городского населения. Разнообразные тактики, используемые населением для обхода указов о брадобритии и платье, выявляли противоречивость, недоработки и неэффективность петровского законодательства, стимулируя высокопоставленных чиновников к его обсуждению. Однако предложения усовершенствования петровского законодательства блокировались, когда доходили до самого верха бюрократической системы. Более того, во властных кругах всерьез обсуждалась возможность отмены петровских указов. Это было обусловлено осознанием представителями правящей элиты как финансовой несостоятельности законодательства о бороде и одежде, так и его негативных социальных последствий.

Ключевые слова: Петр I, реформы, культурная политика, вестернизация, власть и общество, законодательный процесс, Раскольническая контора.

[1] Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

THE FATE OF THE PROJECT OF WESTERNIZATION OF RUSSIAN CITIZENS' APPEARANCE IN THE POST-PETERINE RUSSIA (1725–1741)[1]

Akel'ev Evgeniy V.
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
eakelev@hse.ru

Abstract. The research focuses on the project of the Westernization of Russian citizens' appearance after the death of Peter the Great. The author considers its (non-)functioning on two levels: legislative regulation (from above) and implementation practices (from below). Special attention is paid to the interaction of these two levels, that is, how legislative regulation influenced practice *on the ground*, and how the real experience of interaction with the population influenced the adjustment of previously adopted laws. Based on the archival documents of the Governing Senate, the Old Believers' Office and some local authorities, the author traces how the state institutions created by Peter the Great ensured regular confirmation of his legislation, accompanied by waves of activity by the local authorities to force citizens to comply with it. However, the local authorities did not have the resources to successfully implement the beard shaving and dress legislation of the 1720s, unless Russian subjects in a particular town and city were themselves disposed to adopt new cultural practices. A variety of ways of avoiding the laws on shaving and dress used by the population, identifying weakness, inconsistency and inefficiency of the Peter's legislation, encouraged the government to review it. But the suggestions for improvements of the Peter's legislation were blocked when they reached the top of the bureaucratic system. Moreover, the abolition of the Peter's decrees was discussed. This was due to the awareness by representatives of the ruling elite of both the financial insolvency of the legislation on beards and clothes, and its negative social consequences.

Keywords: Peter the Great, reforms, cultural policy, westernization, power and society, the legislative process, the Old Believers' Office.

Цитирование: Акельев Е.В. Судьба проекта вестернизации внешнего облика горожан в послепетровской России (1725–1741) // Новое прошлое / The New Past. 2025. № 3. С. 89–108. DOI 10.18522/2500-3224-2025-3-89-108 / Akel'ev E.V. The fate of the project of westernization of Russian citizens' appearance in the Post-Peterin Russia (1725–1741), in Novoe Proshloe / The New Past. 2025. No. 3. Pp. 89–108. DOI 10.18522/2500-3224-2025-3-89-108.

© Акельев Е.В., 2025

[1] The research leading to this article received funding from the Basic Research Program at HSE University.

О петровском проекте вестернизации внешнего облика горожан написано немало [см.: Есипов, 1863; Михневич, 1882; Hughes, 2004; Аваков, 2017; Акельев, 2022]. Однако до сих пор почти не исследована судьба этого начинания после того, как в конце января 1725 г. Петр I отошел в мир иной. Между тем рассмотрение этого вопроса представляет особенный интерес для изучения механизмов сохранения его наследия в построенной им империи. Был ли Петр I единственным источником и движущей силой радикальных культурных преобразований? Сохраняли ли ближайшие политические преемники первого российского императора верность его идеям не только на словах, но и на деле? Какую роль в реализации его культурной программы играли созданные им государственные институты? Наконец, каковы были результаты его культурной политики в долгосрочной перспективе? В данной статье я попытаюсь найти ответы на эти и некоторые другие вопросы. В фокусе моего исследования будет находиться петровский проект вестернизации внешнего облика горожан после смерти Петра I, который я постараюсь рассмотреть на двух уровнях: законодательной регламентации «сверху» и практики ее реализации «снизу». При этом меня будет особенно интересовать взаимодействие этих двух уровней, то есть как законодательная регламентация влияла на практику «на земле» и, наоборот, как реальный опыт взаимодействия с населением в рамках реализации указов способствовал корректировке ранее принятых законов. Источниковую базу исследования составят неопубликованные и преимущественно неизвестные ранее делопроизводственные материалы Сената, его Раскольнической конторы, а также некоторых органов местного управления.

Прежде всего необходимо вкратце охарактеризовать состояние обозначенного направления петровской политики на исходе 1724 г. Это особенно важно ввиду того, что на последние два года жизни Петра I приходится настоящая «вспышка» законодательной активности в данной сфере [Акельев, Трефилов, 2013, с. 159–160]. Начало ей положил именной указ императора, первая редакция которого была начертана им собственноручно в Сенате 6 апреля 1722 г. [РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 13, л. 292].

Текст его начинается со слов: «Подтвердить накрепко старой указ о бородах…». Под «старым указом» подразумевался известный петровский указ о введении бородовой пошлины от 16 января 1705 г. [Полное…, 1830, т. 4, с. 282–283; Акельев, 2022, с. 345–372]. Но сравнение текстов обоих указов показывает, что в апреле 1722 г. государь не подтвердил прежний, а издал новый закон.

Во-первых, вместо дифференцированной в зависимости от социального статуса шкалы бородовой пошлины, как было в указе 1705 г., возникает единая для всех ставка в размере 50 руб.

Во-вторых, в отличие от указа 1705 г., в 1722 г. Петр I не упомянул о бородовых знаках, которые следовало выдавать уплатившим пошлину, но зато распорядился, чтобы отныне все бородачи носили только «старое» платье, под которым он понимал «зипун с стоячим клееным козырем, ферези и однорядку с лежачим ожерельем».

Наконец, *в-третьих*, в указе 1722 г. специально оговаривались средства борьбы с нарушителями: у мужчин с бородой, но не в «старом» платье, запрещалось принимать прошения; с них следовало взыскивать огромный штраф (в 50 руб.), половина которого предназначалась «приводчику».

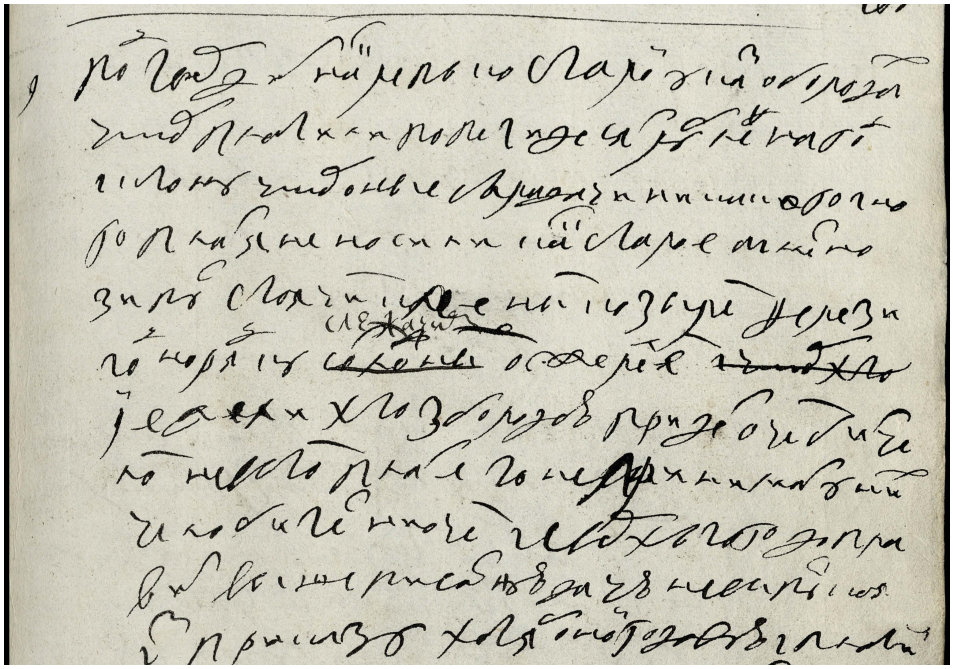

Рис. 1. Фрагмент именного указа Петра I от 6 апреля 1722 г. Автограф (РГАДА)

Несколько дней спустя, 12 апреля, Петр I по предложению Синода внес в текст указа уточнение о том, чтобы в костюме для бородачей был элемент, позволяющий распознать среди них староверов: «раскольщикам носить у оных козыри красного сукна, для чего платья им красным цветом не носить» [РГАДА, ф. 248, оп. 30, д. 1888, л. 266 об.]. С этой поправкой новый закон и был обнародован [Полное…, 1830, т. 6, с. 641–642].

Вскоре последовали сенатские указы, которые вносили уточнения в практику его реализации. Так, было пояснено, что тех, кто подстригает бороду «ножницами не в плоть», следует «почитать за бородачей» и «велеть им носить с прочими же указное ж платье» [РГАДА, ф. 248, оп. 2, д. 57, л. 135–135 об.; Полное…, 1830, т. 6, с. 720].

В июле 1722 г. к Петру I обратился архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим с просьбой позволить обращающимся к «Святой Церкви» «раскольникам» свободно носить бороды и русское платье без уплаты пошлины. На это государь в письме от 15 октября 1722 г. (сохранившемся в подлиннике) ответил: «Что же упоминаете о обратившихся расколниках, дабы им носить платье и бороды по прежнему без платежа, и оным дайте о том позволение, толко притом учините какой нибудь знак, дабы под их видом другия не обратившияся расколщики такова платья не носили» [ЦАНО, ф. 2013, оп. 602а, д. 48а, л. 21 об.].

Однако этот петровский указ, вероятно, не был объявлен публично. Между тем жесткая реализация новых указов привела к аресту значительного числа мужчин,

которые, не желая расставаться с бородой, не имели при этом возможности заплатить огромный 50-рублевый штраф. Все они содержались в различных местных органах власти под караулом, о чем воеводы доносили в Сенат с требованием дополнительных инструкций. В этой связи 14 июня 1723 г. сенаторы распорядились выбривать бороды таким нарушителям насильно. Но что делать с ними в случае повторной поимки с бородами, сенаторы придумать не смогли, потому решили доложить императору [РГАДА, ф. 248, оп. 5, д. 225, л. 461 об.–462; Полное…, 1830, т. 6, с. 720]. Он рассмотрел этот вопрос 28 июня 1723 г. и приказал несостоятельных, но упорных бородачей ссылать для заработка денег в Рогервик, где строился морской порт [РГАДА, ф. 248, оп. 5, д. 225, л. 462 об.; Полное…, 1830, т. 7, с. 86–87].

Трудности с реализацией нового законодательства вновь потребовали личного внимания Петра I осенью 1724 г. 10 ноября он написал для себя записку на память: «О знаках и барадочах. Посмотреть старова и крепче зделать указ, чтоб все, бороды имущия, в платье старом ходили, а без платья ловить, также нигде судоф не давать и челобитья не принимать, но брать за караул и посылать на работу; также и о знаках погодных для платежа» [РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 18, л. 381–381 об.]. Свое намерение император исполнил уже 13 ноября 1724 г., когда написал в Сенате указ, который сохранился в автографе [РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 18, л. 383; Полное…, 1830, т. 7, с. 368].

Этот законодательный акт сводится к двум основным пунктам: *во-первых*, государь повелел изготовить специальные «знаки медяные» для выдачи бородачам после уплаты годовой пошлины, которые им следовало носить «на верхнем платье»; *во-вторых*, было решено сбор бородового налога и двойной подати с «раскольников» сосредоточить в одном ведомстве: «для сего смотренья и збору учинить стол или кантору при Сенате, тут же быть и двойному збору с расколникоф». Так была учреждена Раскольническая контора Правительствующего Сената.

Итак, серия именных и сенатских указов 1722–1724 гг. оформила новую систему преследования сторонников ношения бороды и старого русского костюма, которая складывалась из нескольких элементов. Прежде всего обратим внимание на то, что в указах 1720-х гг. прослеживается определенная идеологема: приверженность обычаю брадоношения относится к числу «раскольнических заблуждений», а борьба с бородой и русским платьем вписывается в «антираскольническое» направление государственной политики. Не случайно вновь создаваемая Раскольническая контора при Сенате одновременно отвечала за сбор двойной подушной подати со старообрядцев и пошлины «с бород». Бородачи и «раскольники» были обязаны носить одинаковый костюм, отличающийся только цветом воротника («козыря»), на который следовало нашивать специальный бородовой знак с указанием года, когда последний раз была уплачена пошлина. Борода на мужчине (если это не пашенный крестьянин и не духовное лицо) не в специальном костюме и без бородового знака объявлялась вне закона: у таковых запрещалось принимать прошения, а всем верноподданным следовало таковых ловить и приводить в государственные органы власти, за что обещалось щедрое вознаграждение: половина 50-рублевого штрафа. Бородачей, не имеющих возможности заплатить такую огромную сумму, следовало ссылать на каторгу.

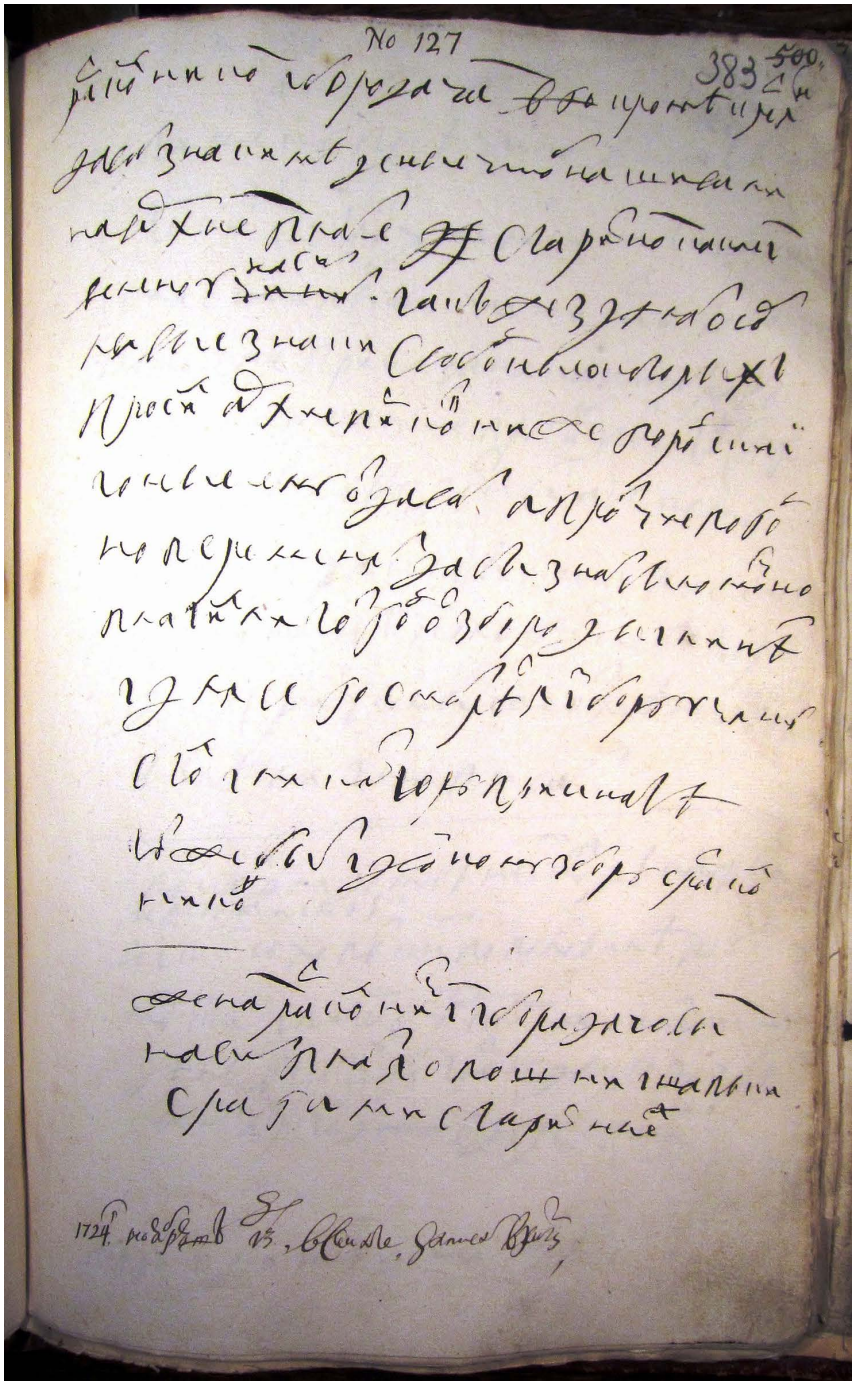

Рис. 2. Именной указ Петра I от 13 ноября 1724 г. Автограф (РГАДА)

Теперь рассмотрим, как эта система функционировала после смерти Петра I. Прежде всего обратимся к соответствующим указам, принятым в правление его ближайших преемников. Первый такой указ датирован 29 мая 1725 г. (до сих пор он не был введен в научный оборот). В нем Екатерина I констатирует, что многие жители Санкт-Петербурга «старинным платьем торгуют, и такое старинное платье…, и бороды, а женский пол треухи и подкапки на головах и старинное платье носят», и в этой связи повелевает публично подтвердить в столице петровские указы, предупредив нарушителей о строгом наказании [РГАДА, ф. 248, оп. 5, д. 225, л. 458–458 об.]. Судя по всему, это распоряжение не возымело должного действия, так как год спустя, 4 августа 1726 г., потребовалось очередное его подтверждение [РГАДА, ф. 248, оп. 5, д. 225, л. 458 об.–459; Полное…, 1830, т. 7, с. 684]. Двумя месяцами ранее, 31 мая 1726 г., был объявлен другой именной указ Екатерины I, из которого следует, что «с бородами и в старинном русском платье» ходили даже многие отставные офицеры. Императрица повелела таковым «носить немецкое платье, и шпаги, и бороды брить, и ежели где в деревнях таких людей, кто брить умеет, при них не случится, то подстригать ножницами до плоти в каждую неделю по дважды» [РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 71, л. 18–20; Полное…, 1830, т. 7, с. 654].

Наконец, следует процитировать сенатский указ июня 1728 г. Из него следует, что те самые бородовые знаки, которые Петр I распорядился изготовить в ноябре 1724 г., были действительно изготовлены в числе 2060 штук (см. рис. 3), но после его смерти так и не были востребованы никаким ведомством, и поэтому Сенат распорядился «те зделанные в 724-м году… к роздаче бородачам медные знаки две тысячи шездесят употребить в копеешной передел», так как они были выпущены на 1725 г., который «уже давно прошол» [РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 71, л. 35 об.]. По всей видимости, единственный известный в наши дни экземпляр такого квадратного знака из собрания Государственного Эрмитажа был сохранен для образца (см. рис. 3).

Рис. 3. Бородовой знак 1724 г. (Государственный Эрмитаж).

Указы 1725–1728 гг. создают впечатление, что поскольку главным мотором вестернизации внешнего облика горожан являлся сам Петр I, после его ухода в мир

иной все соответствующие распоряжения были обречены на забвение. Однако обращение к материалам делопроизводства центральных и местных и органов власти показывает ошибочность этого впечатления. В период между правлениями Екатерины I и Екатерины II (1727–1762) наблюдалось несколько «волн» серьезной активизации этого направления политики, когда из центра приходили подтвердительные указы, оглашались на местах, а местные администраторы прилагали серьезные усилия, направленные на их реализацию. Проследим механизмы появления этих «волн», изучение которых дает важный материал о том, как наследие первого императора сохранялось в послепетровской России.

Как мы помним, указом от 13 ноября 1724 г. Петр I распорядился «учинить стол или кантору при Сенате» для организации сбора 50-рублевого сбора с бород и двойного подушного оклада со староверов. Новое ведомство наладило свою работу не сразу — лишь 8 января 1725 г. состоялся приговор об учреждении в Москве Раскольнической конторы Сената, главой которой был назначен стольник, полковник Афанасий Тимофеевич Савелов. Затем последовала долгая процедура комплектования штата нового ведомства из состава синодских чиновников. Видимо, этот процесс затянулся, так как никаких следов функционирования Раскольнической конторы в 1725 г. обнаружить не удается (этим и объясняется отмеченный выше факт невостребованности и последующего уничтожения изготовленных в конце 1724 г. бородовых знаков). Но зато в марте-апреле 1726 г. Раскольническая контора, наконец, начала работать. Ее чиновники первым делом попытались собрать информацию о числе бородачей и «раскольников» в различных губерниях [Нечаев, 1890, с. 10]. Для этого на места направлялись указы с требованием срочно прислать соответствующие ведомости. Эти строгие распоряжения побудили местных начальников к активным действиям против нарушителей петровских указов. Так началось повсеместное преследование бородачей, порой сопровождавшееся любопытными эксцессами, информация о которых дошла до Сената.

Так, в Орле, где не числилось ни одного «записного» бородача и, соответственно, в казну по этой статье не собиралось ни одной копейки, местные власти решили включить в направляемый в Раскольнический контору реестр 5 купцов, которые в 1722 г. записались в двойной «раскольнический» оклад. Раскольническая контора в свою очередь потребовала взыскать с них недоимку за пять лет в размере более 1200 руб. Как жаловался один из несчастных, Лука Иванов сын Мошкин, «правят на нем… с протчими ево братьею з бород по 50 рублев, и за то дом ево описан и оценен, а жена и дети держатца под караулом». В мае 1727 г. орловские купцы подали в Сенат коллективную челобитную, в которой заявили, что «им де тех денег платить не надлежит для того, что писались они в раскол, а не в бородачи». В ходе разбирательства выяснилось, что купцы намеренно записались в «раскол» для того, чтобы бороду носить, а 50-рублевую годовую пошлину не платить. В 1722 г. они прямо об этом заявили в своем прошении: «По указу де велено бородачам и расколникам бороды носить и платье указное, токмо платить им двойной оклад, а они де расколу никакого не имеют, токмо для своей старости желают носить

бороды; чтоб повелено было им платье и бороды носить, а оклад де двойной по указу платить они будут» [РГАДА, ф. 248, оп. 13, д. 696, л. 365–366].

Похожая история произошла и в Архангельске, где сумма задолженности бородачей перед казной оказалась еще более значительной — 5822 руб. Должниками и тут оказались местные купцы, зарегистрированные как старообрядцы. В марте 1728 г. один из них явился в Москву с коллективной челобитной, из которой следовало, что группа архангелогородских купцов, в соответствии с указом 1716 г. записавшихся в 1722–1723 гг. в двойной подушный оклад и с тех пор выплачивавших его, с 1727 г. вдруг стали облагаться еще и бородовой пошлиной. Челобитчики протестовали, ссылаясь как на сложившуюся практику, так и на петровские указы, в которых прямых распоряжений о взыскании бородовой пошлины с «записных раскольников» не имеется [РГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 781, л. 1140 об. — 1143 об.].

Служащие Раскольнической конторы не могли не признать правоту челобитчиков. Действительно, по результатам 1-й ревизии «душ» в стране числилось 94 053 «раскольников» мужского пола, плативших двойной подушный оклад [Нечаев, 1890, с. 15]. Число же зарегистрированных бородачей с этим количеством резко контрастировало: по присланным отчетам губернских и провинциальных канцелярий таковых было всего 51 человек, из которых половина от уплаты 50-рублевого годового оклада отказывалась. В итоге за пять лет, с 1727 по 1731 г., несмотря на все усилия бюрократического аппарата, казна по этой статье пополнилась всего на 3251 руб.

Количество зарегистрированных бородачей и сумма поступлений в казну денежных средств по статье «с бород» в 1727–1731 гг.

	Количество бородачей (чел.)		**Сколько было взыскано (руб.)**	**Недоимка (руб.)**	**Сколько надлежит взыскать (руб.)**
Год / Губерния	**1727**	**1731**	**1727–1731**	**1727–1731**	**1732**
Московская	4	2	721	0	100
Новгородская	2	2	600	0	100
Архангелогородская	21	21	0	10100	1050
Нижегородская	15	8	1700	750	400
Белгородская	5	4	5	1994	200
Сибирская	4	4	225	975	200
ВСЕГО	51	41	3251	13819	2050

Источник: РГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 781, л. 1215.

Как мы видим, орловские и архангелогородские купцы, не сговариваясь друг с другом, попытались воспользоваться очень серьезной недоработкой в законодательстве Петра I. После того как указ о записи старообрядцев в двойной подушный оклад от 8 февраля 1716 г. [Полное…, 1830, т. 5, с. 166] обеспечил им легальный

статус, с «записных раскольников» денег за бороды (в силу указа 1705 г.) не требовали. В петровском же апрельском указе 1722 г. хотя и фигурировал пункт о ношении старообрядцами специального костюма, но обязательство уплачивать годовой 50-рублевый налог не оговаривалось. Судя по всему, этой недоработкой законодательства пользовались не только жители Архангельска и Орла, но и многих других городов. Действительно, только в 1727–1732 гг. в двойной подушный оклад записалось 103 мужчины, а в бородачи не записалось ни одного человека, хотя было совершенно очевидно, что записавшиеся в «раскольники» мужчины бород не брили и 50-рублевую пошлину не платили [РГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 781, л. 1239–1240 об.].

Об этой законодательной недоработке, открывшей для мужского населения возможность легального обхода запрета на ношение бороды, в скором времени было донесено в Сенат. Рассмотрев все эти случаи и ознакомившись с экспертизой имеющегося законодательства, сенаторы выработали «мнение» о необходимости обнародовать специальный указ о взыскании 50-рублевого оклада со всех носящих бороду горожан, в том числе и с «записных раскольников» [РГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 781, л. 1151 об., л. 1195–1195 об.]. В ноябре 1728 г. был даже подготовлен проект соответствующего указа, который через сто с лишним лет опубликовали в «Полном собрании законов Российской империи» в качестве принятого закона [Полное…, 1830, т. 8, с. 118]. Между тем Верховный тайный совет не утвердил сенатский проект, разработав вместо него указ об отмене петровского законодательства о брадобритии, мотивированный его фискальной несостоятельностью [РГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 781, л. 1197]. Таким образом, стремление Петра I сделать внешний вид своих подданных «политичным» [Акельев, 2013], как и борьба с церковным «расколом», потеряли свою актуальность для верховников, озабоченных прежде всего интересами казны.

Однако долгожданный для бородачей указ так и не был обнародован ввиду скоропостижной смерти юного императора Петра II и последовавших за ней бурных политических событий. Только 29 мая 1730 г. сенаторы решили доложить об этом императрице Анне Иоанновне, представив мнение, что бородовую пошлину «надлежит сложить», чтобы «скудные люди, избывая за бороды большого платежа, не записывались в раскол». Но потребовалось согласование этого вопроса с Синодом, в результате чего его решение надолго затянулось [РГАДА, ф. 248, оп. 14, д. 781, л. 1200, 1206; д. 772, л. 989–989 об.].

Вскоре после несостоявшейся отмены петровского законодательства последовала новая «волна» преследования бородачей и приверженцев русского платья на местах. Осенью 1731 г. Камер-коллегия приступила к составлению окладной книги всех государственных доходов (об этом см.: [Троицкий, 1966, с. 251–261]). В рамках реализации данного проекта Ревизион-коллегия потребовала от Раскольнической конторы предоставить полные данные о всех зарегистрированных бородачах и собираемой с них пошлине. Но Раскольническая контора, несмотря на все усилия, так и не смогла получить эти данные от всех губернаторов и воевод. Тогда последовал строгий сенатский указ от 29 июля 1735 г., циркуляром разосланный

во все губернские и провинциальные канцелярии, с требованием срочно прислать в Раскольническую контору ведомости о «раскольниках и бородачах» и соответствующих сборах, которые впредь следовало отправлять ежегодно. За неисполнение указа и несвоевременную присылку ведомостей губернаторам и воеводам грозил штраф [РГАДА, ф. 248, оп. 11, д. 618, л. 230–230 об., 233; Полное…, 1830, т. 9, с. 551]. Это предписание Сената послужило поводом для публичного подтверждения петровского законодательства в августе 1735 г., ставшего началом новой кампании, направленной на принуждение городского населения к его исполнению. Для того, чтобы понять, как эта кампания разворачивалась на местах, выберем два населенных пункта: крупный провинциальный город Тулу и Вязниковскую слободу во Владимирской провинции. Оба входили в состав обширной Московской губернии, но располагались в ее разных частях — южной и восточной.

Итак, 7 августа 1735 г. Московская губернская канцелярия циркуляром разослала во все провинциальные центры указ, в котором сперва цитировались петровские законодательные акты о брадобритии 1720-х годов, а затем повелевалось их «по градским воротам и в рядах при барабанном бою публиковать». В Тульской провинциальной канцелярии этот указ был получен 11 августа 1735 г. Воевода, бригадир Иван Миронович Тургенев, в тот же день распорядился выставить «публичные листы» в людных местах и послать необходимые распоряжения в Тульскую ратушу и Оружейную контору, которым непосредственно подчинялись тульские купцы и кузнецы. Кроме этого, воевода направил соответствующие указы в уездные центры Тульской провинции — Венев, Епифань, Алексин, Дедилов, Крапивну и Богородицк [ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3666, л. 1–5, 8–9 об.].

Однако надежды Тургенева на то, что исполнение указов будет обеспечено силами городских властей — ратуши, подчиненного ей городничего, выборными сотскими и десятскими, а также Оружейной конторы — оказались напрасными. Вскоре в Тульской провинциальной канцелярии были вынуждены констатировать, что, несмотря на публикацию указа, горожане все равно «ходят в бородах и в неуказном платье множеством человек». Воевода требовал от городских властей взять с купцов «подписку, дабы они в бородах не в указном платье не ходили», после чего прислать официальную «ведомость» с информацией: «в тульском купечестве бородачи и раскольники имеются ль, и кто именно?». Лишь через месяц поступил ответ: «…бородачей и раскольников в Тульской ратуше в записке не имеется». 22 сентября Тульская провинциальная канцелярия обнародовала указы повторно, пеняя горожанам на то, что, вопреки объявленному месяц назад закону, «тульские жители, а особливо купецкие люди… ходят в бородах и не в указном платье». Но и эта мера никакого действия не возымела [ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3666, л. 12, 17; РГАДА, ф. 699, оп. 1, д. 1145, л. 1–4 об.]. Тогда Тургенев решил сформировать специальную команду во главе с отставным сержантом Елисеем Едреневым, которому инструкцией предписывалось ловить ходивших с бородой и не в указном платье горожан и приводить их в Тульскую провинциальную канцелярию [ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3666, л. 10–11 об.]. Но находившиеся в распоряжении тульского воеводы административные ресурсы были настолько скудны, что в подчинение Едреневу был делегирован

только один человек — отставной драгун Онуфрий Трещев. Двое отставных военных должны были противостоять всем бородачам провинциального города с многотысячным населением. Отметим, что по данным 2-й ревизии в Туле числилось 7064 душ мужского пола — купцов, кузнецов Оружейной слободы, дворовых людей и др. [РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3667, л. 744 об. — 745 об.]. Правда, из инструкции следует, что Едренев мог пользоваться помощью караульных сотников и десятников. Но, как известно, они избирались из состава городской общины, то есть являлись теми же купцами, против которых и должен был действовать Едренев со своим помощником. Неудивительно, что никаких документальных подтверждений успешных действий сержанта не обнаруживается. Предпринятые Тургеневым меры могли служить не столько исполнению петровских указов о бороде и платье, сколько защите его от обвинений в бездействии на случай проверок.

В мае 1737 г. Тургенева на воеводстве сменил капитан Василий Романович Чеботаев. Выпускник Школы математических и навигацких наук, в свое время лично посланный Петром I «за моря» для обучения корабельному искусству, а затем определенный самим государем в корабельные секретари, Чеботаев наверняка относился к нему с огромным почтением [Сборник…, 1873, с. 50–51; Областные…, с. 674]. Новый воевода сразу обратил внимание на старомосковский внешний облик жителей Тулы и распорядился вновь огласить публично петровские указы, а определенному к «смотрению таковых бородочей» сержанту Едренову «подтвердить ордером» действительность ранее выданной инструкции [ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3666, л. 19–20].

Но действия Чеботарева тоже не принесли ожидаемых плодов, о чем известно из переписки уже следующей тульской администрации, которую возглавлял статский советник Михаил Иванович Бобрищев-Пушкин, вступивший в должность воеводы в начале 1738 г. [Областные…, с. 212–213]. Он начал с того, что 22 марта 1738 г. направил в городскую ратушу сердитый указ с требованием дать объяснение: почему тульские купцы ходят в русском платье и бород не бреют, какой налог собирается с бородачей и куда отправляется? Ратуша опять отреагировала месяц спустя формальным рапортом о получении указа с обещанием его исполнить. Но воевода оказался настойчив и все-таки добился того, что тогдашний тульский бургомистр Дмитрий Буркин соблаговолил в августе 1738 г. отчитаться, что «по справке в Тульской ратуше бородачей и раскольников в записке не имеется». Предвидя возмущенную реакцию воеводы, бургомистр заодно распорядился еще раз объявить в городе публично, «чтобы все тульские купцы ходили в указном платье и бороды б брили неотменно» [РГАДА, ф. 699, оп. 1, д. 1231, л. 1–7].

Но вскоре произошло то, чего так опасались все тульские воеводы: осенью 1739 г. в Тулу прибыл офицер Даниил Шеншин с поручением провести следствие о накопившихся в провинции недоимках. Ревизор принялся внимательно изучать бухгалтерскую документацию провинциальной канцелярии. В итоге оказалось, что в соответствии с полученными в Санкт-Петербурге данными в Тульской провинции налоговый сбор в казну должен был производиться по тридцати трем статьям, в то

время как реально осуществлялся только по восемнадцати. Среди отсутствующих сборов — пошлина «с неуказного платья и з бород». По этой статье не собирается ни копейки, между тем, по наблюдениям самого Шеншина, «в городе Туле ходит тульское купечество в неуказном платье и бородах». Офицер потребовал от воеводы объяснений, почему горожане «в неуказном платье и бородах ходят, и по какому указу, и для чего пошлинных денег с того в казну не плотят?» [ГАТО, ф. 55, оп. 1, д. 3666, л. 33–34]. В качестве объяснения, почему «оное упущено», в Тульской провинциальной канцелярии решили отправить Шеншину свежий отчет городской ратуши. 13 января 1740 г. воевода потребовал от ратуши объяснений «в самой скорости с ясным показанием», но последствия этого распоряжения из архивного дела не ясны [РГАДА, ф. 699, оп. 1, д. 1305, л. 1–1 об.].

Итак, петровские указы 1720-х годов в Туле совершенно не исполнялись, несмотря на все усилия провинциальной канцелярии. Очевидно, что воеводы просто не имели возможности обеспечить их исполнение по объективным, не зависящим от личности конкретного администратора причинам. Они заключались в том, что все горожане, включая представителей городских выборных властей, в ведении которых находились тульские купцы и кузнецы, дружно саботировали эти указы. Между тем без поддержки населения (в том числе избиравшихся из посадской общины сотских и десятских) добиться исполнения указов было совершенно невозможно.

Но было бы ошибкой распространять опыт Тулы на всю Российскую империю. Не во всех городах перспектива реализации законодательства о бороде и платье была столь безнадежной. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим, как указ от августа 1735 г. исполнялся во Владимирской провинции, в частности в Вязниковской слободе.

После получения указа из Москвы в начале сентября 1735 г. владимирские власти его обнародовали — огласили устно и вывесили письменные объявления в публичных местах, а выставленным у городских ворот солдатам приказали наблюдать за исполнением распоряжения. Тогда же его копии были посланы в подведомственные владимирскому воеводе города Муром, Гороховец и Вязниковскую слободу, откуда вскоре поступили рапорты о получении и оглашении указа «в торговые дни при собрании народа при барабанном бою» [РГАДА, ф. 423, оп. 2, д. 223, л. 1–5 об., 8, 10–10 об.]. Все бы выглядело вполне верноподданнически и благополучно, если бы не случился один казус, столь же неприятный для местных властей, сколь интересный для исследователя, так как он позволяет увидеть, что скрывается за сохранившимися в архивах многочисленными рапортами бургомистров о якобы точном исполнении указов.

Итак, 13 октября 1735 г. во Владимирскую провинциальную канцелярию явился вязниковский житель Семен Кириллов сын Москвин и подал доношение, в котором сперва довольно точно изложил петровское законодательство 1720-х годов, а затем заявил, что в слободе указы не соблюдает сам бургомистр Василий Иванов сын Рукавишников, который ходит «с бородою и в неуказном платье». Владимирский воевода, отставной поручик Василий Григорьевич Мосолов, похвалил Москвина,

велев ему и впредь наблюдать за соблюдением законности в Вязниковской слободе, и приказал срочно арестовать нарушителей. Вскоре посланный туда солдат отчитался: «По данному мне наказу в Вязниковскую слободу ездил, и… ево, Рукавишникова, в бороде и не в указном платье изъехал, а товарыщи ево по указу исправны». В тот же день вязниковский бургомистр, доставленный во Владимир под конвоем в бороде и русском платье, подал доношение, в котором заявил: «Я, нижеименованный, был в расколе, и от расколу ко Святей Церкви обратился в прошлом 1724-м году преосвященным Питиримом, архиепископом Нижегородским и Алаторским». Далее Рукавишников точно процитировал упомянутый выше указ Петра I о позволении обращающимся «раскольникам» не брить бород и призывал к его соблюдению [РГАДА, ф. 423, оп. 2, д. 223, л. 13, 15–15 об., 19–19 об., 21 об.].

Рассмотренный казус показывает, что при реализации петровских указов во Владимирской провинции власти находили поддержку какой-то части населения. В Вязниковской ратуше бороду и традиционный русский костюм носил один бургомистр Рукавишников, остальные же служащие брились и ходили в «немецком» платье. Местный купец Москвин, очевидно, тоже не носивший бороды, после оглашения подтвердительного указа 1735 г. попытался привлечь к ответственности самого бургомистра. Думается, едва ли он осмелился бы на такой шаг, если бы большинство жителей Вязниковской слободы были настроены в отношении брадобрития так же единодушно отрицательно, как в Туле.

Подведем итоги. Прежде всего обратим внимание на то, что продолжение курса на вестернизацию облика горожан после смерти Петра I обеспечивалось принятыми им законами, установившими бородовую пошлину, сбор которой обеспечивался специальным органом власти — Раскольнической конторой. Именно эти институты способствовали регулярному подтверждению петровского законодательства, сопровождавшемуся «волнами» активности местных властей по принуждению городского населения к его исполнению.

Но при этом успехи местной администрации напрямую зависели от того, находили ли петровские указы поддержку у значительной части городского населения. Такая взаимосвязь вполне осознавалась властями: неслучайно в качестве ключевого механизма преследования бородачей-нелегалов рассматривались верноподданные горожане, которые должны были не только на них доносить, но и участвовать в их задержании, получая в качестве вознаграждения половину штрафа. Так, подтвердительный указ Новгородской губернской канцелярии 1737 г. гласил: «Ежели отныне кто будет сего не исполнять… и таковых противников… всемерно всем людям… ловить и с русским платьем и небритыми бородами приводить и объявлять в губернской канцелярии» [РГАДА, ф. 540, оп. 1, д. 1822, л. 1–1 об.]. Но если в городской общине достигалось согласие по вопросу неисполнения данных указов, то «ловить», «приводить» и «объявлять» было просто некому. Такая ситуация и наблюдалась в Туле, в целом сохранявшей традиционный облик. В других же городских поселениях (например, в Вязниковской слободе) при отсутствии отмеченного

консенсуса властям удавалось, опираясь на поддержку части горожан, действовать более успешно.

К сожалению, произвести точные подсчеты для оценки результатов петровской политики вестернизации внешнего облика горожан не представляется возможным. Важно отметить, что даже в тех городах, где действия администрации поддерживались частью населения, горожане имели достаточно возможностей для того, чтобы не исполнять указы о бороде и платье. Можно было записаться в «раскол», так как староверы платили только двойной подушный оклад, а от уплаты 50-рублевой пошлины за бороду освобождались. Можно было, наоборот, обратиться от «раскола» к «Святой Церкви», чтобы воспользоваться правом не брить бороду, которым Петр I наделил бывших староверов. Наконец, можно было просто продолжать носить бороду, а в случае ареста применить одну из известных тактик уклонения от ответственности, например заявить, что растительность на лице появилась во время длительной отлучки или болезни — таковых следовало освобождать от штрафа и наказания под расписку с обещанием впредь не нарушать указы [Акельев, Трефилов, 2013, с. 162–172].

Разнообразие используемых населением тактик, выявляющих противоречивость, недоработки и неэффективность существующего законодательства, было тем импульсом, который стимулировал его обсуждение в органах власти и способствовал выдвижению соответствующих инициатив. Как видно из приведенных примеров, предложения по усовершенствованию законодательства блокировались, когда доходили до самого верха бюрократической системы, где даже обсуждался проект отмены петровских указов. Причина этого заключалась в осознании представителями правящей элиты, с одной стороны, финансовой несостоятельности законодательства о бороде и одежде, а с другой — его негативных социальных последствий, среди которых наиболее опасным было массовое бегство российских подданных в Речь Посполитую [Akelev, Gornostaev, 2023].

Именно эти причины и послужили фактором, который позже привел к отмене петровского законодательства. Хотя этот процесс и выходит за обозначенные в названии статьи хронологические рамки, позволю себе упомянуть его основные вехи. В сентябре 1743 г. от принуждения к брадобритию, платежа 50-рублевой пошлины и ношения одежды европейского образца были освобождены «раскольники», проживавшие в прилегавших к польской границе слободах Стародубского и Черниговского полков Войска Запорожского [РГАДА, ф. 248, оп. 36, д. 2219, л. 357–362]. Эта мера в значительной степени активизировала проходившие в 40–50-е гг. XVIII в. переговоры между правительством Елизаветы Петровны и общинами русских переселенцев в Польше об условиях их возвращения [Акельев, 2014, с. 183–194]. Переговорный процесс завершился указом Екатерины II от 14 декабря 1762 г., в котором возвращающимся из эмиграции российским подданным обещалось, что их не будут принуждать к бритью бороды и ношению «указного платья» [Полное…, 1830, т. 16, с. 129–132]. Вскоре отказ верховной власти от принуждения населения к вестернизации внешнего облика был распространен на всю территорию Российской

империи. Это оказалось возможным, когда в декабре 1763 г. Раскольническая контора была упразднена, причем в указе о передаче ее функций по управлению делами «раскольников» местным органам власти ничего не сообщалось о другой важнейшей обязанности — контроле над бородачами [Полное…, 1830, т. 16, с. 466]. Вместе с Раскольнической конторой ушла в прошлое и борьба с бородой и русским платьем в Российской империи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аваков П.А. Региональные особенности и социально-политические риски культурных преобразований Петра I (на материале городов Северо-Восточного Приазовья) // *Петербургский исторический журнал.* 2017. № 1 (17). С. 33–49.

Акельев Е.В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // *Quaestio Rossica.* 2013. № 1. С. 90–98.

Акельев Е.В. Политика российского правительства в отношении зарубежных старообрядческих общин в 20–60-х гг. XVIII в. // *Staroobrzędowcy za granicą II: Historia, religia, język, kultura.* Toruń: EIKON, 2014. Pp. 183–194.

Акельев Е.В. Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов «московитов». М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

Акельев Е.В., Трефилов Е.Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI — XVIII вв.)*. Отв. ред. М.М. Кром, Л.А. Пименова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 153–173.

Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 55. Оп. 1 Д. 3666.

Есипов Г.В. Русская борода и немецкое платье // *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII века. Т. 2. СПб.: тип. тов-ва «Общественная польза», 1863. С. 159–186.

Михневич В.О. История русской бороды // *Михневич В.О.* Исторические этюды русской жизни. Т. 2. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского, 1882. С. 29–108.

Нечаев В.В. Раскольническая контора (1725–1764) // *Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции*. Кн. 7. М.: типо-литогр. тов-ва «И.Н. Кушнеров и К°», 1890. С. 1–63.

Областные правители России, 1719–1739 гг. Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М.: РОССПЭН, 2008. 830 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 4. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1830. [2], 882, 4, [4] с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 5. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1830. [2], 780, [2] с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 6. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1830. [2], 816, [2] с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 7. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1830. [2], 922, [4] с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 8. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1830. [2], 1014, [4] с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 9. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1830. [2], 1022, [4] с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 16. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1830. 1018, 104 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 2. Д. 57.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 225.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 229.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Д. 618.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 696.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 772.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 781.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 845.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 30. Д. 1888.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 36. Д. 2219.

РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 420.

РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 71.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3667.

РГАДА. Ф. 423. Оп. 2. Д. 223.

РГАДА. Ф. 540. Оп. 1. Д. 1822.

РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1145.

РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1231.

РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1305.

РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 13.

РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18.

Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1873. С. 50–51.

Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 276 с.

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 48а.

Akelev E., Gornostaev A. Millions of Living Dead: Fugitives, the Polish Border, and 18th-Century Russian Society // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 269–297.

Hughes L. «A Beard is an Unnecessary Burden»: Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia // *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross* / ed. by R. Bartlett, L. Hughes. Munster: Lit, 2004. Pp. 21–34.

REFERENCES

Avakov P.A. Regional'nye osobennosti i sotsial'no-politicheskie riski kul'turnykh preobrazovanii Petra I (na materiale gorodov Severo-Vostochnogo Priazov'ya) [Regional Characteristics and Socio-Political Risks of Cultural Transformations of Peter the Great (on the material of the North-Eastern Azov Sea area)], in *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2017. No. 1 (17). Pp. 33–49 (in Russian).

Akel'ev E.V. Iz istorii vvedeniya bradobritiya i «nemetskogo» kostyuma v petrovskoi Rossii [On the History of Beard Shaving and the Introduction of 'German' Clothing in Peter the Great's Russia], in *Quaestio Rossica*. 2013. No. 1. Pp. 90–98 (in Russian).

Akel'ev E. V. Politika rossiiskogo pravitel'stva v otnoshenii zarubezhnykh staroobryadcheskikh obshchin v 20–60-kh gg. XVIII v. [The Russian Government's Policy on the Foreign Old Believers' Communities in 1720–1760], in *Staroobrzędowcy za granicą II: Historia, religia, język, kultura*. Toruń: EIKON, 2014. Pp. 183–194 (in Russian).

Akel'ev E.V. *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov «moskovitov»* [The Russian Misopogon: Peter I, Beard Shaving, and Ten Million Muscovites]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 624 p. (in Russian).

Akel'ev E.V., Trefilov E.N. Proekt evropeizatsii vneshnego oblika poddannykh v Rossii pervoi poloviny XVIII v.: zamysel i realizatsiya [The project of the Europeanization of Russian Citizens' appearance in the First Half of the 18th Century: initial plans and practical realization], in *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI — XVIII vv.)*. Ed. by M.M. Krom, L.A. Pimenova. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Press, 2013. Pp. 153–173 (in Russian).

The State Archive of the Tula Region (GATO). F. 55. Inv. 1 D. 3666.

Esipov G.V. Russkaya boroda i nemetskoe plat'e [Russian Beard and German Dress], in Esipov G.V. *Raskol'nich'i dela XVIII veka.* Vol. 2. St. Petersburg: Printing House of Company "Obshchestvennaya pol'za", 1863. Pp. 159–186 (in Russian).

Mikhnevich V.O. Istoriya russkoi borody [The history of the Russian Beard], in Mikhnevich V.O. *Istoricheskie etyudy russkoi zhizni*. Vol. 2. St. Petersburg: Printing House of F.S. Sushchinskiy, 1882. Pp. 29–108 (in Russian).

Nechaev V.V. Raskol'nicheskaya kontora (1725–1764) [The Old Believers' Office (1725–1764)], in *Opisanie dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii*. Vol. 7. Moscow: typography and lithography of the partnership "I.N. Kushnerov & Co.", 1890. Pp. 1–63 (in Russian).

Babich M.V., Babich I.V. *Oblastnye praviteli Rossii, 1719–1739 gg.* [Regional rulers of Russia 1719–1739]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 830 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 4. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. [2], 882, 4, [4] p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 5. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. [2], 780, [2] p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 6. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. [2], 816, [2] p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 7. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. [2], 922, [4] p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 8. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. [2], 1014, [4] p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 9. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. [2], 1022, [4] p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 16. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1018, 104 p. (in Russian).

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 248. Inv. 2. D. 57.

RGADA. F. 248. Inv. 5. D. 225.

RGADA. F. 248. Inv. 5. D. 229.

RGADA. F. 248. Inv. 11. D. 618.

RGADA. F. 248. Inv. 13. D. 696.

RGADA. F. 248. Inv. 14. D. 772.

RGADA. F. 248. Inv. 14. D. 781.

RGADA. F. 248. Inv. 15. D. 845.

RGADA. F. 248. Inv. 30. D. 1888,

RGADA. F. 248. Inv. 36. D. 2219.

RGADA. F. 288. Inv. 1. D. 420.

RGADA. F. 342. Inv. 1. D. 71.

RGADA. F. 350. Inv. 2. D. 3667.

RGADA. F. 423. Inv. 2. D. 223.

RGADA. F. 540. Inv. 1. D. 1822.

RGADA. F. 699. Inv. 1. D. 1145.

RGADA. F. 699. Inv. 1. D. 1231.

RGADA. F. 699. Inv. 1. D. 1305.

RGADA. F. 1451. Inv. 1. D. 13.

RGADA. F. 1451. Inv. 1. D. 18.

Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society]. Vol. 11. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of the His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1873. Pp. 50–51 (in Russian).

Troitskii S.M. *Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII veke* [The Financial policy of Russian Absolutism in the 18th Century]. Moscow: Nauka, 1966. 276 p. (in Russian).

The Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (TsANO). F. 2013. Inv. 602a. D. 48a.

Akelev E., Gornostaev A. Millions of Living Dead: Fugitives, the Polish Border, and 18th-Century Russian Society, in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 269–297.

Hughes L. «A Beard is an Unnecessary Burden»: Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia, in *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross*. Ed. by R. Bartlett, L. Hughes. Munster: Lit, 2004. Pp. 21–34.

Статья принята к публикации 15.08.2025